УДК 101.9

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ОСНОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ

Ермаков Валерий Иванович,
Университет Российской академии образования, Челябинский филиал, доцент кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин, кандидат философских наук, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: chel_urao_nauka@mail.ru

Аннотация
В статье рассматриваются варианты потери идентичности личности на индивидуальном и социально-групповом уровнях.

Ключевые понятия:
идентичность личности, опыт, коммуникативная реальность, истолкование.

Почему люди стараются обладать фундаментальными чертами, которые они считают социально значимыми, вместо того чтобы просто быть самими собой? Одной из причин, по-видимому, является то, что способность быть самим собой *предполагает* честность и открытость, т.е. те качества, достижение которых является для большинства недостижимыми.

Потеря идентичности начинается именно тогда, когда обнаруживаются масштабы различия между тем, каким человек хотел бы быть, и тем, кем он является на самом деле. На индивидуальном уровне это прежде всего касается нашего опыта, поскольку в первом приближении наше отличие от других – это наш опыт.

П. Рикёр справедливо отмечает, что «само понятие принадлежности моего опыта мне самому имеет двойной смысл: поскольку оно выступает и как *распоряжение собой,* и как *принадлежность себе* [7, с. 171]. Распоряжаясь собой, мы, опираясь на свои силы, знания и навыки, преувеличиваем или недооцениваем их. В результате либо терпим фиаско, либо одерживаем победу, расширяя наш опыт и обнаруживая незнание и непонимание самих себя.

Опыт как принадлежность себе – это умение отвечать за свои поступки, быть самим собой в любых ситуациях, не изменять своим ценностям и идеалам – постоянно подвергается испытанию на прочность и очень часто предстаёт перед самим человеком как смена обязательств по отношению к другим. Ситуация особенно обостряется в период личностного кризиса. В такие моменты личность отдаляется от себя, теряет нравственную опору, позволяющую ей сохранить веру в саму себя. Вопрос П. Рикёра «но разве момент, когда *"Я – сам"* не владеет собой, не является существенным для подлинной самости» не риторический [7, с. 171].

Фламандский режиссёр, гранд европейского театра Люк Персеваль в интервью «Российской газете» обращает внимание на то, что у Шекспира данная тема – потеря личной идентичности – выражена в страхе: страх потерять контроль над собственной жизнью, страх неизбежности того, что на тебя надвигается и невозможности отвратить то, что на тебя надвигается. При этом ни культура, ни вера, ни религия не дают нужных ответов на фундаментальные вопросы бытия. Ссылка на восточный опыт, который утверждает, что ответов и не будет,

что с этим (потерей личной идентичности), надо смириться [1, с. 13] не восстанавливает внутреннюю гармонию и мир, делая наше бытие зыбким и неопределённым.

И *принадлежность личности себе, и распоряжение собой* возможно лишь в той мере, в какой человек обладает памятью. Но память избирательна, она отбирает из пространства опыта только то, что соответствует, по мысли Ж.П. Сартра, *экзистенциальному проекту личности*, а в проекте происходит постоянная борьба между тем, что нам кажется наилучшим для нашей жизни, и тем выбором, который мы делаем [7, с. 215].

Именно в этой ситуации важнейшим основанием идентичности личности становится её коммуникативная реальность, когда основные характеристики личности раскрываются в её речевом поведении. И вот тут для многих становится очевидным, что их самооценка, их текстовая самоинтерпретация не выдерживает столкновения с реальностью.

С одной стороны, всем хотелось бы независимого суда, свободной прессы, реальной политической конкуренции, т.е. всего того, что обычно обозначается как стабильные правила политической игры, принимаемые всем обществом и обязательные как для властей, так и для общества. В текстовом варианте при этом свобода и порядок (стабильность) совпадают.

С другой стороны, как только дело доходит до реализации вышеуказанных желаний при решении реальных проблем общества, сразу обнаруживаются фундаментальные различия в интерпретации своих действий и действий властей: власти в ответ на то, что общество не понимает, как *можно недовольство властью конвертировать в политические институты*, способные понизить градус напряжения, формулируют как *политтехнологию,* искусственно созданную альтернативу: *свобода или порядок* [2, с. 11]. Прав М. Фуко, утверждавший, что «искусство свободы – это игра власти» [8, с. 405], в том смысле, что обе конфликтующие стороны в качестве руководства к действию должны иметь текст, системно определяющий последовательность своих действий, чтобы личностная идентификация выражала чёткую позицию, лишённую конъюнктуры. Это возможно, если сама личность будет поддерживать инвариант во всех проявлениях (измерениях) идентичности:

- идентичность как тождественность;
- идентичность как самость;
- идентичность нарративная;
- идентичность как аутентичность.

В первом случае речь идёт о способности быть самим собой и сохранении контроля за своими действиями: предсказуемый ответ на вызовы среды создаёт своеобразную знаковую среду, по которой окружающие убеждаются в наличии характера, и это делает взаимоотношения между людьми более или менее прозрачными.

Во втором случае самость, или возможность по-настоящему свободного выбора, определяется многими факторами, среди которых свобода от социального давления, независимость личности, её мужество, знания и т.д. [6, с. 146].

В третьем случае интерпретация собственных действий через коммуникацию создаёт дополнительные условия для лучшего понимания своих подлинных намерений и мотивов во взаимоотношениях с окружающими.

В четвёртом случае должна иметь место согласованность внутреннего опыта с внешними формами выражения: отсутствие истерик в стрессовых ситуациях, присутствие духа свидетельствует о том, что человек продумал свою позицию и отвечает за свои действия.

Появление нарративной идентичности личности в последнее время связано не только с важностью информации в жизни общества, она свидетельствует о коммуникативных поломках, когда и на обыденном уровне в межличностных отношениях, и в межгрупповых конфликтах люди демонстрируют брутальную агрессивность и нежелание договариваться, искать взаимоприемлемое решение и компромисс [5, с. 17]. Они сначала рисуют себе образ врага, исходя из своего понимания и интерпретации своего «Я», а затем начинают борьбу с этим монстром.

Конечно, в нашей культуре нет нормы, ориентирующей на публичные поиски истины: такая норма только начинает формироваться. Но это не значит, что надо делать безответственные заявления, намеренно искажать позицию оппонента, навешивать ярлыки и унижать человеческое достоинство того, с кем вы ведёте дискуссию.

Если идентичность личности – норма, то *утверждение нормы возможно толь-*

ко путём демонстрации аномального [3, с. 294]. Особенно очевидно это на примере такого социального явления, как юродство. Юродство – это *отказ от собственной личности* [3, с. 325]. Человек открыто демонстрирует пренебрежение существующими условиями жизни, устоявшимся порядком вещей и действует, ломая сложившиеся стереотипы. Попытка реализовать себя в асоциальных формах лишь обостряет одиночество и отверженность, придает бытию невероятно уродливые способы выражения и подчёркивает примитивность существования человека. Экзистенциальный проект рушится, и личность стремительно деградирует.

Проблема, очевидно, в том, что неумение найти новые возможности для решения своих проблем зависит от способности воспринимать себя в пределах личного опыта.

В обществе наши действия соотносятся с действиями других, и эти другие рассчитывают на нас, у них есть определённые ожидания. Поэтому наша самооценка подвержена интерпретации со стороны других, и только в рамках последней личность сохраняет свою идентичность, понимает себя.

В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера проблема понимания человеком самого себя рассматривается как проявление временности его бытия. М. Хайдеггер обращает внимание на то, что время – это то, что делает бытие как таковое самим собой. Человек осознаёт (с разной степенью) *бытие как наличие, как присутствие и как настоящее* [4, с. 210]. При этом М. Хайдеггер напоминает, что человек в своём становлении иным есть продукт своих и чужих действий, то есть некоторая *истолкованность* [8, с. 153]:

– *Наличие как истолкование* для человека представлено уровнем и качеством его действия, его результативностью: он собственную идентичность доказывает тем, что его действие никогда не становится ниже определённого уровня; человек не может поступить иначе не потому, что не хочет, а потому, что не может себе позволить действия, которые бы ставили под сомнение его компетентность, его потенциал: врач не спрашивает себя, должен ли он исцелять, оратор – должен ли он убеждать, политик – должен ли он устанавливать хорошие законы [7, с. 209];

– *Присутствие как истолкование* для человека в той ауре, которую он привносит с собой в общество, и его отсутствие делает общество неполноценным. Нельзя восполнить уход великой личности. С её уходом меняется вся конфигурация отношений, ценностей, стандартов и т.д.;

– *Настоящее как истолкование* для человека выступает как борьба с имитацией. Классический пример различения между настоящим и его имитацией был констатирован ещё софистами, когда они попытались указать различие между теми, кто действительно считает, что знает, а на самом деле не знает, и теми, кто *втайне знает о своём незнании, но* скрывает это из страха и беспокойства за своё собственное превосходство, а потому прикрывается ложными высказываниями. Настоящее отбрасывает ложь, обман, иллюзии и т.д. Ложные истолкования рано или поздно приходят в столкновение с реальностью и опровергаются самим ходом событий. Тот, кто встаёт на этот скользкий путь, лишь усугубляет своё положение; ему приходится лгать всё изощрённее, чтобы быть правдоподобным: чем интенсивнее он это делает, тем дальше уходит от реальности.

Обман как истолкование сопряжён с потерей идентичности личности. Обманывая себя, человек распадается на несколько образов, и никто не в состоянии угадать, какой из них настоящий, присущий самому человеку.

Настоящее как истолкование – всегда испытание для человека, которое выступает как проблема его совести: быть или не быть самим собой в собственном смысле этого слова. М. Хайдеггер напоминает, что настоящее есть выбор будущего: то, что человек не выбирает и оставляет, – это прошлое. Поэтому память не реставрация прошлого, а реставрация будущего [10, с. 21].

Итак, бытийные, социальные и психологические основания идентичности становятся главным условием развития человека. Кризис культуры и связанные с ним вызовы требуют от человека сохранить своё «Я», чтобы спасти общество от гибели и распада.

---

1. Боброва, Е. Люк в шекспировские страсти // Российская газета. 2014. 14 октября. N 234.

2. Бызов, Л. Свобода или порядок // Российская газета. 2014. 16 мая. N 109.

3. Водолазкин, Е.Г. Дом и остров, или Инструмент Языка. М.: АСТ, 2014. 377 с.
4. Гадамер, Х. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск: Пропилеи, 2007. 240 с.
5. Гладарев, Б. Сварливая немота // Огонёк. 2014. N 39.
6. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. С. 423.
7. Рикёр, П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 2008. 416 с.
8. Фалёв, Е.В. Герменевтика Хайдеггера. СПб.: Алетейя, 2008. 224 с.
9. Фуко, М. Управление собой и другими. СПб.: Наука, 2011. 432 с.
10. Хайдеггер, М. Что зовётся мышлением. М.: Академический проект, 2007. 351 с.

References

1. Bobrova, Ye. (2014) Lyuk v shekspirovskiye strasti [Door in Shakespearean passions] // *Rossiyskaya gazeta*, 14 oktyabrya, N 234 [in Rus].
2. Byzov, L. (2014) Svoboda ili poryadok [Freedom or order] // *Rossiyskaya gazeta,* 16 maya, N 109 [in Rus].
3. Vodolazkin, Ye.G. (2014) Dom i ostrov, ili Instrument Yazyka [Home or island, or language tool], M.: AST, 377 [in Rus].
4. Gadamer Kh. (2007) Puti Khaydeggera: issledovaniya pozdnego tvorchestva [Heidegger's ways: late creations examine]. Minsk: Propilei, 240 [in Rus].
5. Gladarev, B. (2014) Svarlivaya nemota [Quarrelsome muteness] // *Ogonok*, N 39 [in Rus].
6. Maslou A. (1999) Novyye rubezhi cheloveceskoy prirody [New frontiers of human nature]. M.: Smysl, 423 [in Rus].
7. Rikor, P. (2008) Ya-sam kak drugoy [Myself as another]. M.: Izd-vo gumanit. lit-ry, 416 [in Rus].
8. Falov, Ye.V. (2008) Germenevtika Khaydeggera [Heidegger's hermeneutic]. SPb.: Aleteyya, 224 [in Rus].
9. Fuko, M. (2011) Upravleniye soboy i drugimi [Ruling self and others]. SPb.: Nauka, 432 [in Rus].
10. Khaydegger, M. (2007) Chto zovotsya myshleniyem [What is called thinking]. M.: Akademicheskiy proyekt, 351 [in Rus].

UDC 101.9

THE CRISIS OF PERSONAL IDENTITY: BASES AND LIMITS

Yermakov Valeriy Ivanovich,
University of Russian Academy
of Education,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor
of the Department Chair
of Humanities and Natural Sciences,
Cand. Sc. (Philosophy),
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: chel_urao_nauka@mail.ru

Annotation
The paper discusses options for the loss of personal identity at the individual, social and group levels.

Key concepts:
personal identity,
experience,
communicative reality,
interpretation.